

— Это двенадцатый год с момента моего дебюта! Спасибо вам, Шуцзюань, за вашу неизменную поддержку. Я всегда верил, что если прикладывать усилия, то обязательно придет удача... — голос Се Цзюня, чистый и звонкий, разнесся по всем уголкам концертного зала. Внизу фанаты в розовой форме поддержки, стоило им поднять головы, светились счастьем.

Они... всегда были теми, кто его поддерживал.

Двенадцать лет. Сколько таких двенадцатилетий в человеческой жизни? От темной, пропахшей маслом подвальной кухоньки до ослепительной сцены — ему уже двадцать девять.

Пальцы, сжимающие микрофон, слегка похолодели. Свет прожекторов заливал мужчину. Пряди пепельно-серебристых волос, уложенные назад, открывали высокий гладкий лоб. Его черты — от переносицы до губ — были изысканными и ослепительными. Микрофон, закрепленный на ухе, замер у самых губ.

Се Цзюнь вдруг не нашелся что сказать. Он опустил руку, и четки, которые он недавно перенанизал, мягко охватили его запястье.

— Се Цзюнь! — раздался четкий возглас, прорезавший воздух.

А следом — тысячи голосов!

— Се Цзюнь! Се Цзюнь! Се Цзюнь! Се Цзюнь! Се Цзюнь!

Звук долго не стихал под сводами стадиона. Они были внизу, а он — на сцене. Они взывали к тому самому чистому Се Цзюню, что жил в их сердцах. Эта тесная связь, эта взаимная поддержка — в каком-то смысле он чувствовал себя удовлетворенным.

В нем внезапно прибавилось сил. Он крепче сжал микрофон.

Приложив палец к губам, он тихо прошептал:

— Тсс...

Даже блески под глазами не могли затмить мягкости в его взгляде. В зале воцарилась неожиданная тишина. Взрослые люди внизу стали похожи на несмышленных детей из детского сада — они смотрели на него искренне и горячо.

Весь свет сосредоточился на нем, и в его глазах отразилось это сияние:

— У нас ведь будет еще одно двенадцатилетие, правда? — он произнес это нарочито

небрежным тоном, но в уголках глаз блестели слезы, а голос предательски дрожал.

Порой он вовсе не был так уж помешан на деньгах.

Когда он сошел со сцены, зрители в зале продолжали скандировать его имя. Казалось, концертный зал вот-вот рухнет от этого гула.

— Господин Се, вы по-прежнему на вершине популярности. Больше двух лет не давали концертов, а зал все равно полон. Этот концерт — целиком ваша заслуга, — Сун Цюань похлопал в ладоши и принял из рук ассистента букет синих роз, чтобы поздравить артиста.

Сегодняшний концерт превзошел все ожидания Сун Цюаня. Нельзя недооценивать влияние суперзвезды: световые таблички фанатов Се Цзюня заполнили почти все пространство, а та сплоченность, что царила в зале, заставляла кровь кипеть.

Приняв букет, Се Цзюнь небрежно снял гарнитуру и откинул ее на спину, скрывая легкую грусть в глазах. Как же ему было легко на душе! Только стоя на сцене он чувствовал себя по-настоящему свободным, только в глазах фанатов он находил силы противостоять всему на свете.

— Благодарю вас, режиссер Сун. Я давно так не пел, — с тех пор как он сменил амплуа и постарался избавиться от старого ярлыка, он действительно два года не выступал.

Сун Цюань поддакнул:

— Это все ваше личное обаяние! — режиссер многозначительно подмигнул, и ассистент тут же подошел, чтобы увести Ван Сяоцзина.

— А-Цзюнь... — Ван Сяоцзин взглянул на своего кузена.

— У нас с режиссером есть пара вопросов, которые нужно обсудить. Сходи пока в бухгалтерию за кулисами и закрой финансовые вопросы, — Се Цзюнь передал цветы Ван Сяоцзину и улыбнулся, давая понять, что разговор окончен.

Ассистент замялся: ведь расчеты еще даже не начались...

— Сяо Ван, иди скорее, я разрешаю, — Сун Цюань теперь души не чаял в Се Цзюне, поэтому исполнял любую его прихоть.

Ассистент, сообразив, поспешно сказал:

— Да-да, Сяо Ван, пойдемте, — и увел Ван Сяоцзина.

Се Цзюнь отодвинул стул у гримерного столика, сел, закинув ногу на ногу, и бросил гарнитуру на стол. Сложив руки на груди и откинувшись на спинку, он с легкой усмешкой посмотрел на Сун Цюаня:

— Режиссер Сун, вы хотели о чем-то поговорить?

Сун Цюань, глядя на Се Цзюня, на мгновение потерял дар речи. Мужчина за сорок вдруг занервничал. Он тоже придвинул стул, стараясь увеличить дистанцию, и заговорил мягче:

— Господин Се, помните сценарий, о котором я упоминал на премьере?

Се Цзюнь задумался и кивнул:

— Да, помню.

Сун Цюань радостно хлопнул в ладоши:

— Отлично! Тогда проще начать.

Мужчина-бета, заметив свою неловкость, выпрямился и невольно потер нос:

— Кассовые сборы фильма Лекарство, который мы снимали в прошлый раз, выросли в десять раз. Вы знаете, что артхаусное кино обычно не имеет коммерческой ценности и снимается ради наград, но в нашем кругу коммерческий успех — это залог ресурсов...

Сун Цюань получил немало наград, но за высоким статусом всегда скрывалась необходимость кланяться спонсорам, иначе ни роскошных декораций, ни качественной картинки не добиться.

Се Цзюнь взял свой термос, сделал глоток теплой воды и, прищурившись, улыбнулся:

— Режиссер Сун, если есть дело, говорите прямо.

Сун Цюань потер руки и выпалил:

— У меня в разработке масштабный проект. Это стопроцентная номинация на лучшую мужскую роль. Если вы согласитесь, все остальное не проблема.

Статус Се Цзюня вырос, его переход из певцов в актеры прошел успешно. Впереди его ждало множество предложений от киноиндустрии. Сун Цюань ценил не только выгоду, которую мог принести Се Цзюнь, но и то, что этот мужчина был чертовски харизматичен — он идеально подходил под душу того самого персонажа.

Художники — люди безумные. Он прямо посмотрел в глаза Се Цзюню:

— Я готовил этот сценарий десять лет. Если вы сыграете, это станет классикой на всю жизнь.

Се Цзюнь не понимал, откуда у Сун Цюаня такая одержимость. Он покрутил крышку термоса в руках:

— Что за роль?

Сун Цюань, решив, что артист заинтересовался, расплылся в улыбке. Он внимательно оглядел Се Цзюня от бровей до подбородка и по слогам отчетливо произнес:

— Омега, которого содержат.

— Да пошел ты! — Ли Лань сыпала проклятиями в терминал. — Предложить тебе роль омеги? Ты что, решил, что твоя карьера идет слишком гладко?! — она выругалась еще пару раз, прежде чем успокоиться. — Живо возвращайся в компанию! Фильм отлично окупился, твоя репутация в порядке. Не слушай этих людей, которые ценят искусство, а не деньги, Се Цзюнь... Ты должен понимать, что тебе нужны деньги.

Угрозы и подкуп — излюбленные методы агента, и они всегда работали безотказно. Ли Лань отключила связь, и в тесном пространстве флаера снова стало тихо.

— А-Цзюнь, что думаешь? — Ван Сяоцзин, управлявший флаером, осторожно взглянул на кузена.

Тот прислонился к спинке сиденья, прикрыв глаза, и сложил руки на груди. Он не выглядел обеспокоенным.

Ван Сяоцзин вздохнул и сосредоточился на управлении:

— Я слышал от ассистента режиссера, что сценарий довольно драматичный. Главный герой — бедный омега, который сближается с альфой ради денег, в итоге теряет себя и погибает...

— Ван Сяоцзин, — Се Цзюнь внезапно перебил его.

Он открыл глаза и, глядя на стеклянный экран перед собой, крепче сжал руки:

— Тебе не кажется, что этот персонаж похож на меня?

Происхождение, внешность, даже мотивы — все один в один...

Се Цзюнь холодно усмехнулся:

— Тошнотворно. — Он боялся. В какой-то мере это был страх перед браком.

Ван Сяоцзин вздрогнул и поспешно запричитал:

— Тьфу-тьфу-тьфу... А-Цзюнь, не говори ерунды! Тот случай на банкете... ты же не специально. Ты шел в обычную комнату отдыха, кто же знал, что встретишь там альфу в период уязвимости...

В тот день на банкете Ван Сяоцзин ждал у входа, чтобы забрать кузена домой. Он прождал, пока все разошлись, но Се Цзюнь так и не вышел. Он думал, что началось какое-то продолжение вечеринки, но прошли сутки, двое, трое! С А-Цзюнем не было связи!

На четвертый день Се Цзюнь вернулся... в другой одежде. Заперся в комнате и семь дней страдал от лихорадки. Из-за этого он пропустил работу, а когда вернулся, старший актер с большим стажем от души отвесил ему несколько пощечин под предлогом репетиции. Режиссер не стал вмешиваться, и лицо Се Цзюня покраснело так, что на следующий день он не смог выйти на площадку. Режиссер просто сказал, что его заменили.

После полумесяца тяжелой работы на второстепенной роли, после ранних подъемов и поздних возвращений, он услышал лишь: А что поделать? У человека есть спонсор, удалили твою роль — значит удалили, проваливай.

Что толку от статуса суперзвезды? Какой бы ни была популярность, если хочешь в кино — будь готов пресмыкаться.

А-Цзюнь страдал не из-за того, что его заменили, а из-за того, что вместе с ролью исчезли и деньги. Больничные счета снова откладывались, а сообщения с требованиями долгов доводили до нервного срыва.

Ван Сяоцзин ненавидел свою бесполезность. Он не мог заработать, и единственным его вкладом было возить кузена на подержанном флаере по адресу, указанному на измятой визитке.

По дороге кузен весь дрожал. Он боялся. И это понятно — какой омега не боится альфу инстинктивно?

В тот раз все продлилось всего день. Когда кузен вышел, он выдохнул, обессиленно откинулся на спинку сиденья и вдруг одарил его утешительной улыбкой:

— Сяо Цзин, у меня теперь тоже есть спонсор. Больше никто не посмеет нас обижать.

Больше никто не посмеет нас обижать.

В детстве было так же, и сейчас, когда они выросли, ничего не изменилось. Эти слова трогали до глубины души — пожалуй, они были лишь немногим хуже, чем наличие денег.

Позже он стал возить кузена на виллу Цзяошань. Место, где каждый клочок земли стоил целое состояние. Богатое. И одинокое до холода.

Ван Сяоцзин всегда был лишь водителем. Он часто думал: если бы каждый раз он находил в себе смелость отговорить кузена, был бы результат иным?

Флаер плавно остановился перед зданием агентства. Когда Се Цзюнь открыл дверь, Ван Сяоцзин вдруг окликнул его:

— А-Цзюнь!

— М? — Се Цзюнь обернулся, с легким недоумением глядя на кузена.

Ван Сяоцзин, сжимая рычаги управления и затаив дыхание, выпалил:

— Не ссорься с сестрой Лань. Слушайся ее, так будет лучше.

Се Цзюнь протянул руку и растрепал волосы Ван Сяоцзина, широко улыбнувшись:

— Ван Сяоцзин, ты с каких пор на стороне Ли Лань?

Ван Сяоцзин отвел голову, уворачиваясь, и пробормотал:

— А-Цзюнь, давай не будем связываться с богачами.

Се Цзюнь замер, улыбка на его губах постепенно застыла.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду: не влюбляйся по-настоящему! — Ван Сяоцзин решительно посмотрел на Се Цзюня и громко добавил: — Я видел, как последние дни ты улыбался, глядя на четки на запястье. Я все понял.

Ван Сяоцзин потянулся и схватил кузена за руку:

— Кузен, я только в день визита на виллу Цзяошань узнал... что спонсор — она... — На страницах военных и финансовых изданий, которые обычно шли после развлекательных, лицо Вэнь Цзюэ мелькало постоянно. Ван Сяоцзин не мог ее не узнать.

В тот день он отговаривал Се Цзюня, потому что увидел новости о тесте на беременность. Он думал, что у кузена будет ребенок, и советовал найти выход получше. Но сегодня утром, когда он был в больнице, он вспомнил, что не забрал результаты прошлого обследования. Увидев их, он пришел в ужас.

— И что с того, что ты знаешь? — Се Цзюнь попытался высвободить руку, отворачиваясь.

Ван Сяоцзин сжал кулаки, его лицо покраснело от гнева:

— Что с того?! Кузен! Не говори мне, что ты не знаешь результатов обследования! Не говори мне, что она тебе не сказала! Она ведь видела отчет!

Ван Сяоцзин был в замешательстве. Но больше, чем в замешательстве, он был в ярости.

— У тебя был только Красный прилив, ты понимаешь?

Се Цзюнь толкнул дверь кабинета. Внутри было не пусто. Кроме Ли Лань, там находились Сун Фэйюй и Пэй Цзюэси, лениво развалившаяся на диване. Женщина-альфа запомнила Се Цзюня: в первый раз на съемках Вэнь Цзюэ увела его, во второй — в гримерке он подрался и попросил Вэнь Цзюэ о помощи. Интересно... интереснее, чем когда-либо.

Пэй Цзюэси, с лисьими глазами небесно-голубого цвета, полными игривости, кивнула Се Цзюню:

— Господин Се пришел. А вот и отец ребенка, о котором ходят слухи с нашим Фэйюем.

Сун Фэйюй бросил взгляд на Се Цзюня, явно чувствуя себя неуютно, и недовольно зыркнул на

Пэй Цзюэси:

— Что ты несешь? Бессмыслица.

Женщина, привыкшая вертеть людьми в этом кругу, не придавала значения его капризам. Она потянулась, чтобы обнять мужчину за талию, и усмехнулась:

— Наш Фэйюй злится, тогда молчу.

Сун Фэйюй, немного остыв, прямо спросил Се Цзюня:

— Ты что творишь?!

Се Цзюнь нахмурился, глядя на такую же растерянную Ли Лань:

— В чем дело?

Ли Лань выглядела подавленной. В присутствии посторонних она не стала тратить лишние слова, ее лицо, обычно холодное и профессиональное, осунулось:

— Се Цзюнь, ты собираешься раскрыть свою личность?

Этот вопрос сбил его с толку. Он замер, его рука невольно сжалась:

— Что ты имеешь в виду? Какую личность?

Сун Фэйюй с шумом вскочил. Его тонкое лицо исказилось:

— Ты омега... — Сун Фэйюй никак не ожидал, что окажется замешан в слухах о беременности с человеком того же пола. Как он теперь будет работать в индустрии?

У Се Цзюня внутри все оборвалось. Он уставился на Ли Лань. Женщина махнула рукой:

— Не смотри на меня, он сам догадался.

Сун Фэйюй не мог смириться. Неудивительно, что в прошлый раз в гримерке он подрался с Ло Чжитаном — он просто проецировал свои страхи.

— Се Цзюнь, ты мастер интриг, мне до тебя далеко. — В этих словах сквозила такая неприязнь,

что слушать было тошно.

Ли Лань прервала его:

— Раз уж так вышло, господин Сун, мы гарантируем, что минимизируем ваш ущерб.

Сун Фэйюй хмыкнул и, понимая, что ничего не поделаешь, сердито сел обратно.

Се Цзюнь чувствовал себя все более странно. Он хотел что-то сказать, но Ли Лань потащила его в соседнюю переговорную.

Щелк — замок закрылся.

Лицо Ли Лань стало серым, как сушеная печень. Она поправила очки, в ее глазах читалось безразличие:

— Се Цзюнь, о чем я тебя предупреждала? Я говорила не связываться с богачами! Не связываться! А теперь ты создал такую проблему! Что нам делать?! Что будет с интересами всей компании?!

Ли Лань была в ярости. Она злилась на то, что Се Цзюнь не слушал ее с самого начала! Они вместе прошли путь с самых низов, и она видела слишком много подобных историй в этом кругу. Она не могла позволить ему просто так пропасть.

Се Цзюнь, ошарашенный, отодвинул стул и сел. Его тоже переполняло раздражение:

— Я только вошел, а вы там втроем устроили целый спектакль! Что все это значит?! Я ни слова не понял из того, что вы говорили. — Он в ярости взлохматил волосы и откинулся на спинку стула.

Ли Лань наклонилась к нему:

— Ты не знаешь?

— Какое дело?! Так трудно сказать прямо?! — Се Цзюнь был раздражен еще после того, как Ван Сяоцзин внизу говорил загадками. Теперь он чувствовал себя марионеткой.

Ли Лань вздохнула, оперлась на стол и понизила голос:

— Хэсо Вэнь Цзюэ собирается на тебе жениться. Ты что, не знал? Се Цзюнь, не лги мне.

Одной этой фразы хватило бы, чтобы папарацци целый месяц не беспокоились о хлебе насущном.

Се Цзюнь сначала растерялся, а потом, опустив голову, рассмеялся:

— Это была просто шутка, а вы приняли ее за чистую монету. Я даже сам не принял...

— Это правда, — отрезала Ли Лань.

Она встретила с ним взглядом и снова повторила:

— Это правда, Се Цзюнь.

— С чего ты взяла? — Се Цзюнь говорил первое, что приходило в голову. Если даже он, главный герой, не был уверен, почему другие так категоричны? И эта категоричность заставила его поверить.

Ли Лань смотрела на него с обеспокоенностью и несколько раз тяжело вздохнула:

— Скажу честно, слухи пошли из кругов императорской семьи. Просто... никто не знает, кто избранник Хэсо Вэнь Цзюэ. Известно лишь, что Старый Ванцзюэ не одобряет этот союз... Пэй Цзюэси пришла ко мне с контрактами, и я догадалась, что это ты.

Се Цзюня прошиб холодный пот. Он крепко вцепился в подлокотники стула, чтобы не сорваться, и медленно произнес:

— Кто еще об этом знает?

За один день мир перевернулся. Еще недавно он наслаждался восхищением со сцены, на которой выступал десять лет, а теперь должен был сбросить маску.

Омеги в обществе играли роль детородных единиц. Даже те немногие, кто достигал вершин, оставались лишь второсортными артистами. Се Цзюнь знал, что в этом обществе, где правят альфы, этот день настанет, но не думал, что так скоро.

Дрожащей рукой он попросил:

— Дай сигарету.

Он с трудом зажал ее в пальцах и затянулся. Легкие не приняли дым, и мужчина закашлялся так, что на глазах выступили слезы. Он согнулся пополам, его тошнило.

Глаза покраснели, но его лишь мучили сухие позывы.

Ли Лань, глядя на это, о чем-то догадалась. Она схватила его за руку:

— Ты беременна? — она спросила очень серьезно, нахмутив брови.

Се Цзюнь горько усмехнулся. Он оттолкнул ее руку и откинулся на спинку стула:

— Раньше думал, что беременна, а оказалось — нет. Давно не пил.

Се Цзюнь потушил сигарету и опустил взгляд:

— Сестра Лань, как думаешь, почему я такой идиот? Даже не знал, что такое Красный прилив, не знал, что беременеют только после него. Неудивительно, что у меня несколько дней шла кровь... Я еще думал, что ношу в себе какого-то мутанта, который родится через месяц.

Прекрасный мужчина, лениво откинувшийся на стул, вдруг стал похож на потерянного домохозяйку.

Ли Лань сердито посмотрела на него, но все же забрала сигарету:

— Хорошо, что не беременна. Легче будет порвать.

Услышав слово порвать, Се Цзюнь почувствовал тяжесть. Он покачал головой:

— Не знаю.

Он не понимал, не знает ли он или просто не хочет. Мог ли он не знать, кто такая Вэнь Цзюэ? Когда он был на содержании, он мог капризничать, но если она всерьез решила на нем жениться... он что, не понимал, кто он такой?

Глядя на Се Цзюня, Ли Лань почувствовала, что бьет в пустоту.

— В этом кругу было немало таких, как ты. Выходили за богачей, думали, что схватили бога за бороду, а когда их новизна проходила — их вышвыривали пинком под зад, не давая ни гроша.

Ли Лань коснулась лба Се Цзюня:

— Они другие, они омеги. А ты, Се Цзюнь, альфа...

Да, он альфа. И когда его вышвырнут из высшего общества, он останется ни с чем. Придется вернуться в тот темный подвал, где даже на ингибитор для омег не хватит денег.

Се Цзюнь спросил себя: готов ли он рискнуть? Так ли сильно он любит Вэнь Цзюэ? Или это просто феромонное влечение? Может, сгодится и другой альфа...

Ли Лань вздохнула:

— Се Цзюнь, этот круг таков. Каждый день появляются новички. Стоит сделать один неверный шаг, и все кончено. Они радуются, когда слышат сплетни, и огорчаются, когда слышат их. А за твоей спиной полно тех, кто мечтает занять твое место. — Ли Лань кашлянула. — Даю тебе пару дней на раздумья. Все еще не так плохо.

Ли Лань покинула переговорную, очевидно, чтобы вести переговоры с Сун Фэйюем.

Се Цзюнь сидел неподвижно. На душе было тяжело, в голове звучали слова Вэнь Цзюэ, сказанные на берегу моря:

— Цзюнь, ты любишь меня?

— Цзюнь, давай поженимся.

— Хорошо?

До того как он выбрался из трущоб, у Се Цзюня даже имени не было. Из-за того что он был маленьким, его звали Редиской, потом — Малыш Се. Когда в агентстве спросили, нужен ли ему псевдоним, он, смущаясь, посмотрел на книгу со словом Цзюнь на обложке. Так он стал Се Цзюнем.

Когда он прославился, фанаты громко скандировали это имя. Позже Ван Сяоцзин стал звать его А-Цзюнь.

Но только один человек произносил это имя с такой мягкой, бархатистой интонацией.

— Цзюнь.

Что бы он ни вытворял, она всегда медленно гладила его по волосам:

— Не дури, Цзюнь. — Внешне спокойная, как гладь озера, она была такой утонченной и благородной. А после ночей, полных страсти, она любила нашептывать ему на ушко всякие глупости.

Ее чрезмерное потакание затянуло его глубже, чем он ожидал.

Се Цзюнь похлопал себя по щекам и с облегчением выдохнул:

— Точно сошел с ума.

— И правда сошел. — Пэй Цзюэси, лениво опершись о дверь переговорной, смотрела на него с полуулыбкой. — Ты не один такой безумец. — Женщина поиграла своими ногтями, закусилась ярко накрашенную губу и усмехнулась: — Вэнь Цзюэ тоже сошла с ума.

— Бах! — Се Цзюнь распахнул входную дверь, даже не закрыв ее за собой. Он вбежал в дом, оставляя следы на бежевом ковре, и в панике бросился внутрь. Пустая гостиная заставила его сердце дрогнуть.

Слова Пэй Цзюэси врезались в память. Даже если это казалось нелепым, правда неумолимо пробивалась в сознание.

Се Цзюнь обиженно вытер слезы. В пятнадцать лет, когда его обманули и лишили зарплаты за три месяца, он не плакал. Когда на концерте он упал с высоты и сломал три ребра, он не плакал. Когда он задолжал тридцать миллионов звездных кредитов и его каждый вечер донимали коллекторы, он не плакал.

Сейчас же его красивое лицо было в слезах и соплях. Никакого лоска — просто клоун.

— История с Вэнь Цзюэ наделала много шума, это случилось сегодня утром. В их роду есть стандарты для брака, тем более что ее кровь самая чистая. Именно из-за силы крови ее отстранили от наследования. Сегодня утром она созвала семейный совет и заявила, что хочет жениться на обычном омеге. Старый Ванцзюэ в ярости вытащил ее из дворца и целый день подвергал наказанию родовым орлом. Это довольно отвратительное наказание: острый клюв впивается в ребра под позвоночником. Не смертельно, но кости деформируются, и спина уже никогда не будет прежней. В таких семьях старое поколение еще живо, и пока ты не нарушил правил, слово долг давит очень сильно. Старый Ванцзюэ заявил: если Вэнь Цзюэ посмеет жениться, он созовет совет и изгонит ее. Это значит лишение фамилии Хэсо...

— Цзюнь? — Вэнь Цзюэ вышла из комнаты в пижаме, которую купил для нее Се Цзюнь — черный шелковый халат, который она всегда считала уродливым.

Должно быть, сейчас она хотела скрыть раны.

Се Цзюнь увидел это и потер покрасневшие глаза. Рыдая навзрыд, он хотел броситься к ней, но боялся увидеть раны. Он закрыл лицо руками и медленно опустился на пол.

Задыхаясь от рыданий, он крикнул:

— Вэнь Цзюэ! Я тебя совсем не люблю! Я врал тебе, мне нужны были только твои деньги! Убирайся вон! Больше не попадайся мне на глаза!

Такой пошлый, мелодраматичный способ — даже ему самому было неловко об этом говорить.

Прошло довольно много времени, но ответа так и не последовало. Он плакал так горько, что его ладони наполнились слезами.

Почувствовав, как его руки осторожно разжали, Се Цзюнь увидел, что Вэнь Цзюэ медленно присела перед ним на корточки. Она провела ладонью по его светло-серебристым волосам:

— Цзюнь, давай больше не будем красить волосы, хорошо?

Ее голос звучал ровно и мягко, словно она успокаивала капризного ребенка.

Се Цзюнь поднял голову. На его бледном, красивом лице пузырились слезы и сопли, и он ошарашенно пробормотал:

— Они... натуральные...

На губах Вэнь Цзюэ промелькнула улыбка. Она не побрезговала вытереть его слезы, медленно и бережно погладив подушечками пальцев по щекам, словно поглаживая что-то драгоценное:

— Цзюнь, давай послезавтра пойдем и зарегистрируем брак, хорошо? Послезавтра мы поженимся.

Казалось, ее совершенно не заботило то, что произошло. Как будто она вовсе не придавала значения тому, что ее лишили фамилии и низвели до положения простолюдинки.

Се Цзюнь внезапно стиснул Вэнь Цзюэ в объятиях. Он вложил в них всю свою силу, прижимаясь так крепко, словно боялся, что в следующую секунду она его оттолкнет.

В его голове пронеслось множество мыслей: разрывающие душу признания, трогательные слова любви. Но у него не было ничего, кроме этих чувств, а все, что он мог предложить, казалось слишком дешевым.

В конечном счете, сдерживая рыдания, он лишь выдавил из себя:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/21233/2148339>